

В СЕРИИ
«МИРЫ РАТКЕВИЧ»
ВЫШЛИ:

«ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ»:

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
РУКОЯТЬ МЕЧА
МЕЧ БЕЗ РУКОЯТИ

«НАЙЛИССКИЙ ЦИКЛ»:

ТАЭ ЭККЕЙР!
ЛАРЕ-И-ТА'Э

ВНЕ ЦИКЛА:

ВРЕМЯ ЗОЛОТА, ВРЕМЯ СЕРЕБРА
ПАРАДОКСЫ МЛАДШЕГО ПАТРИАРХА
НАЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ
ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА

Элеонора
Раткевич

РУКОЯТЬ
МЕЧА

Москва
Т8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Р25

Раткевич, Э.

Р25 Рукоять меча / Э. Раткевич. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 380 с. – (Миры Раткевич).

ISBN 978-5-521-74070-3

Победив Инсанну, Кенет сумел изменить реальность. Но теперь, в этом новом мире, его другу нужна его помощь. Другу, с которым в этой реальности они даже не знакомы...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74070-3

© Элеонора Раткевич, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Часть первая ГОбЭЙ

ПРОЛОГ

ставь немедленно свои дурацкие фитюльки!

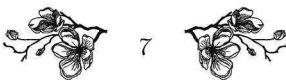
— Слушаюсь, ваше величество. — Юкенна разжал пальцы, и гадальные бирки заструи-

лись из его руки на стол.

— Перестань кривляться, — недовольно произнес Юкайгин. — Можно подумать, что я, гнусный тиран, вынуждаю тебя во славу великих предков оторвать себе нос. А от тебя всего-то и просят не отвлекаться.

— Великая жертва, — скорбно вздохнул Юкенна и, с трудом сдерживая смех, возвел очи к небесам. За отсутствием в королевских покоях небес взгляд Юкенны уперся в потолок. На потолке не происходило ровным счетом ничего интересного. Юкенна посозерцал потолок, снова тяжело вздохнул и с видом оскорбленной невинности мрачно уставился на противоположный конец стола. Прямо перед собой Юкенна старался не смотреть, ибо перед ним возлежали его верительные грамоты. Каллиграфически выписанные знаки едва успели просохнуть, от них еще явственно, хотя и слабо, пахло свежей тушью.

— Ну когда ты за ум возьмешься? — укоризненно воскликнул его величество князь-король Юкайгин.

— Послезавтра утром, — незамедлительно ответил Юкенна.

— Послезавтра утром ты должен уезжать, — напомнил Юкайгин.

— Вот именно. — Юкенна лениво перебирал пальцами гадальные бирки. Послезавтра с первыми лучами рассвета я на десять лет отбываю из столицы. Над этим грех смеяться.

— Ты считаешь, что я отправляю тебя в ссылку? — вкрадчиво осведомился Юкайгин, начиная потихоньку свирепеть: хотя он и привык к выходкам своего племянника, но сегодня вечером Юкенна утратил чувство меры.

— Нет, — ответил Юкенна. — Я считаю, что только теперь я перестану скучать.

— По-твоему, должность посла учредили для развлечений?

— Нет, — усмехнулся Юкенна. — Иначе бы я удавился с горя. Мне скучно развлекаться. Я двадцать пять лет только тем и занят, что развлечениями.

— У тебя странные понятия о развлечениях, — проворчал Юкайгин. — Надо думать, когда ты три года назад раскрыл тот жуткий заговор, ты развлекался?

— Нет, — вновь усмехнулся Юкенна. — Тогда я радовался жизни целых пять дней. А потом заговор был раскрыт, и я опять стал... э-э... развлекаться.

— Начинаю понимать, — задумчиво произнес князь-король. — Значит, когда тебя и пятерых твоих оболтусов-приятелей прошлой весной во время охоты паводок отрезал и ты голодал и искал способ спастись, пока вы на своем острове не померли, ты тоже радовался жизни?

— И еще как радовался. — Юкенна припомнил все обстоятельства той злополучной охоты, и на его устах засияла блаженная улыбка. — А потом опять развлекался.

— Если так, — сухо заметил князь-король, — ближайшие десять лет скучать тебе не придется. А поводов для радости у тебя будет более чем достаточно. Быть послом в Загорье — не самый приятный способ свести счеты с жизнью. Там постоянно что-нибудь случается. До сих пор я меньше всего на свете хотел отправлять в эту миссию именно тебя.

— Но все-таки отправляешь, хоть и против воли? — полюбопытствовал Юкенна. — Если не секрет, чему я обязан таким счастьем?

— В Загорье полагают, — с отвращением произнес Юкайгин и чуть скривился, — что, прислав к ним долгосрочным послом всего лишь вельможу, мы не проявили к ним должного уважения.

— Воистину так, — подтвердил Юкенна. — Насколько я помню, мой предшественник в пьяном виде вечно читает своим сотрапезникам поэму собственного сочинения, а в трезвом боится мышей и не любит ездить верхом. А еще у него лысина потеет.

Юкайгин бросил на Юкенну взгляд, весьма далекий от одобрительного.

— На сей раз от меня потребовали прислать особу королевской крови, ядовито произнес князь-король. — Ради все того же уважения. Они же не знают, что единственная особа королевской крови, которую я могу сейчас назначить послом, — это ты.

— Скоро узнают, — утешительно пообещал Юкенна.

— Вообще-то я подумывал ответить, что единственный подходящий по возрасту член королевской семьи — оболтус и разгильдяй, каких поискать. Но потом передумал. Ты, конечно, оболтус, но на тебя просто невозможно обидеться всерьез.

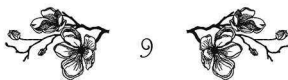
— А для посла это — немалое достоинство, — кивнул Юкенна.

— Я начинаю думать, что это не единственное твое достоинство, — устало ответил Юкайгин. — Пожалуй, если ты предпочитаешь не развлекаться, а радоваться жизни, да еще и по столь необычным поводам... пожалуй, я сделал лучший выбор, чем мне казалось. Кстати о развлечениях... сейчас ты развлекался или радовался жизни?

— Думаю, скорее радовался, — после минутного молчания ответил Юкенна.

— Тогда сделай милость — когда прибудешь к месту назначения, постарайся радоваться менее противным образом. Иначе как бы мне потом не пришлось радоваться жизни.

— Обещаю, — совершенно серьезно произнес Юкенна.

— А если ты посмеешь нарушить обещание, — ехидно продолжил князь-король, — или сплеховать как-нибудь иначе, я тебя не в темницу посажу и не в ссылку отправлю. Я тебя отправлю на пиры с танцовщицами, понял? Ты у меня всю оставшуюся жизнь будешь принудительно развлекаться и бездельничать.

— Может, лучше в темницу? — уныло осведомился Юкенна.

— Ишь чего захотел, — отпарировал князь-король. — Знаю я тебя. Никакой темницы ты не боишься. Такая угроза тебе нипочем. А вот теперь ты будешь относиться к делу как надлежит.

Князь-король был прав: темницы Юкенна действительно не боялся. От темницы у него остались самые приятные воспоминания. С тех пор, как он девяти лет от роду удрал от своего учителя каллиграфии и полторы недели кряду успешно прятался от него в этой самой темнице, утратить его подобной угрозой было невозможно. А вот возможность продолжительного безделья пугала Юкенну невыразимо. Его деятельный ум жаждал работы. Артистическая натура его искала выхода во всевозможных проделках и розыгрышах. Природная общительность и легкий авантюризм делали его непременно участником любого маломальски заметного события. Его руки так и тянулись к любому еще не изведанному орудию, будь то меч, кисть для письма или гадальные бирки собственно, он и выучился далеко не великосветскому искусству гадания только для того, чтобы занять руки. Словом, должность посла была словно нарочно для него создана. И подумать только — если бы не какой-то надутый спесивец из Загорья, Юкенна мог бы и не получить этого назначения. Юкенна еще не знал, кто именно выдвинул столь абсурдное и надменное требование, но уже испытывал к этому человеку симпатию. Он мысленно поклялся себе, что никогда не позволит себе в присутствии этого человека ни малейшей вольности, ни единой выходки. И дело тут не только в том, что посол должен вести себя солидно, — в этом Юкенна как раз весьма и весьма сомневался. Просто он и помыслить не мог обидеть ненароком того напыщенного кретина, которому он обязан своим счастьем. Неблагодарность в число недостатков Юкенны не входила.